

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР
Американская трагедия

Перевод с английского

Москва 2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Д72

Theodore Dreiser

AN AMERICAN TRAGEDY

© Theodore Dreiser, 1953

Вступительная статья *В. Татафинова*

Перевод с английского *З. Вершининой* и *Н. Галь*

Во внутреннем оформлении использованы
иллюстрации *В. Н. Горяева*

Оформление серии «100 главных книг» *Н. Ярусовой*

Оформление серии «Шедевры мировой литературы»
И. Саукова

Разработка оформления серии «Библиотека Всемирной
Литературы» художника *А. Бондаренко*

В оформлении суперобложки использованы
работы художников *Э. Хоппера* и *Б. Шана*

Драйзер, Теодор.

Д72

Американская трагедия / Теодор Драйзер ; [пер. с
англ. З. Вершининой, Н. Галь]. — Москва : Издательство
«Э», 2017. — 928 с.

Роман «Американская трагедия» — вершина творчества выдающегося американского писателя Теодора Драйзера. Он говорил: «Никто не создает трагедий — их создает жизнь. Писатели лишь изображают их». Драйзеру удалось так талантливо изобразить трагедию Клайда Гриффитса, что его история не оставляет равнодушным и современного читателя. Молодой человек, вкусивший всю прелесть жизни богатых, так жаждет утвердиться в их обществе, что идет ради этого на преступление.

ISBN 978-5-699-76966-7

(100ГК)

ISBN 978-5-699-71988-4

(ШМК)

ISBN 978-5-699-31274-0

(БВЛ)

© Татафинов В., вступ.ст., 2017

© Галь Н., перевод. Наследники, 2017

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

Содержание

В. Татафинов
Апология слабости, или Волки и овцы

7

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ
перевод З.Вершининой и Норы Галь

КНИГА ПЕРВАЯ

15

КНИГА ВТОРАЯ

170

КНИГА ТРЕТЬЯ

552

ВОСПОМИНАНИЕ

924

Апология слабости, или Волки и овцы

Мир испокон веку живет по законам джунглей: кто смел, тот и съел, победитель получает все, а побежденного и слабого доедают волки — санитары леса. Хорошо живется тем, кого с рождения греет солнце финансового благополучия, кому не нужно думать о пути наверх — он уже пройден и утопан, остается лишь расширить и слегка удлинить колею. А каково обыкновенному человеку, не гению и не супермену, если хочется жить не хуже некоторых, а впереди только вечное безденежье, скучная и непрестижная работа и сознание собственной малости? Бальзак в такой ситуации предложил двум своим молодым героям — Бьяншону и Растиньяку — нравственную задачку из Руссо: где-то в Китае живет старый мандарин, которого ты можешь умертвить, не пошевелив и пальцем, а взамен получишь вожаемое богатство. Бьяншон мандарина пожалел, а вот Растиньяк своего таки добавил...

Этой темой — вполне заурядный человек перед лицом нравственного соблазна, толкающего его на преступление, — американский писатель и журналист *Теодор Драйзер* интересовался давно. Еще с начала 1890-х годов он стал собирать газетные вырезки, посвященные историям убийств, совершенных бывшими любовниками, когда прежнее увлечение становилось помехой на пути к выгодному браку.

В 1892 году в Сент-Луисе молодой человек, работавший на парфюмерной фабрике, отправил на тот свет девушку-работницу, подарив ей отравленные конфеты. Оказалось, что он встречался с ней, хотя и не торопился с предложением о свадьбе — девушка происходила из бедной семьи. Когда к нему стала проявлять вовсе

не праздный интерес богатая аристократка, юноша решил избавиться от своей «прежней» и вполне преуспел в этом — бедняжку спасти не удалось.

Спустя год по приговору суда был казнен другой переборчивый жених, нью-йоркский врач К. Харрис. Он тоже отравил бедную возлюбленную, подыскав ей молодую, привлекательную и состоятельную замену. Еще через шесть лет газеты облетела история богатого яхтсмена Роланда Молинэ. В конце концов Молинэ был оправдан, но угодил на несколько лет за крепкие решетки психиатрической клиники. Драйзер внимательно ознакомился с полной стенограммой суда по этому делу, состоявшегося в 1899 году, и сделал многочисленные подробные выписки из протокола судебного заседания.

В 1907 году всеамериканский резонанс получило еще одно преступление подобного рода. Бедный чиновник Честер Джиллет, работавший на фабрике своего богатого дяди, встречался с работницей этой же фабрики Грейс Браун. В результате Грейс забеременела, а Честер, как на грех, познакомился через своих родственников с богатой симпатичной девушкой, которой он к тому же еще и понравился. Если исходить из современных прогрессивных взглядов на эту проблему, то ничего фатального в сложившейся ситуации не было, но в набожной Америке начала XX века на добрачные связи смотрели несколько по-иному. Честер очутился перед нелегким выбором. В конце концов он дал обещание Грейс жениться на ней и пригласил суженую прогуляться в лодке по озеру. Добравшись до глубокого места, Честер оглушил Грейс теннисной ракеткой, перевернул лодку с девушкой и выплавь добрался до берега.

Всего архив Драйзера содержал материалы пятнадцати подобных дел. Особняком в его коллекции была история бедного священника К. Ричесена, выходца из простой семьи. У него была любовница, молоденькая прихожанка Эвис Линнел, которую он отравил, когда увидел, что девушка начала поглядывать в другую сторону.

В 1915 году Драйзер несколько раз начинал писать роман на эту тему, взяв за основу историю Молинэ. Затем он написал шесть глав на материале дела священника Ричесена, однако в конце концов остановился на истории Честера Джиллета и Грейс Браун.

Особенно это сходство проявилось в третьей книге романа. Многие из речей на судебном процессе Клайда восходят к реальным выступлениям на суде над Джиллетом.

Название произведения тоже неоднократно менялось: «Повеса», «Мираж» и лишь затем — «Американская трагедия».

Хорэс Ливрайт, постоянный издатель Драйзера, объявил, что новый роман писателя увидит свет осенью 1924 года. Однако Драйзер, как всегда, на сроки не ориентировался. Он снова и снова ездил в те места, где должно было разворачиваться действие романа, многократно переписывал целые главы. В итоге окончание романа было передано в издательство только в середине июля 1925 года, но и это было еще далеко не все. Получив типографские гранки, Драйзер продолжил работу над романом, приводя издателя в отчаяние масштабами правки.

В конце октября 1925 года Драйзер объявил, что последние главы книги никуда не годятся и их нужно переписать. Он добился разрешения побеседовать с Антони Понтано, ожидавшим исполнения вынесенного ему смертного приговора за убийство. Это помогло писателю ощутить специфическую атмосферу камеры смертников, куда в итоге попал Клайд Грифитс. Последним препятствием стали споры по поводу названия романа: Ливрайт упрашивал Драйзера заменить труднопроизносимую фамилию героя — Грифитс — на что-нибудь вроде Эвин или Вернер, да так и назвать книгу. Драйзер остался непоколебим, и в середине декабря 1925 года роман «Американская трагедия» появился на полках книжных магазинов.

Книга сразу же попала в разряд литературных сенсаций, а ее автор стал знаменитостью. Не в пример другим романам Драйзера, «Американскую трагедию» критика поначалу встретила очень благожелательно. Читающая публика Америки и Европы проглотила деньгами, сразу зачислив роман в разряд мировых шедевров. Апофеозом триумфального шествия «Американской трагедии» по стране стало включение романа в состав курса литературы в ряде университетов США.

Кружкой дегтя стало запрещение продажи книги в Бостоне. В ответ сотрудник издательства Доналд Фрид отправился в Бостон с адвокатом и демонстративно продал один экземпляр романа лейтенанту полиции. Он был тут же задержан. Состоявшийся

вскоре суд признал Фрида виновным в продаже литературы «с явной целью развратить молодежь» и приговорил его к штрафу в 100 долларов. Приговор был обжалован, новое заседание состоялось три с половиной года спустя. На этот раз присяжные вообще в глаза не видели спорной книги, но их вердикт был столь же неутешителен. Драйзер всегда раздражал ханжески настроенную Америку, и она не упускала случая хотя бы плюнуть ему в спину.

«Американская трагедия» тем временем осваивала новые рубежи. Велись переговоры о постановке фильма по роману со студией «Парамаунт», об инсценировке на Бродвее и в Европе. Интерес к роману пробудил новую волну читательского интереса к предыдущим романам писателя — «Гению», «Дженни Герхардт», «Сестре Керри». Английская книгоиздательская фирма «Констейбл энд компани» заключила с Драйзером контракт на издание всех его произведений. В результате Драйзер под руководством жены приобрел двухэтажную квартиру в центре Манхэттена, где вскоре стали собираться по четвергам разные интересные люди — писатели, поэты, критики, артисты, бизнесмены, ученые, врачи. Человек, который в 1920 году страдал всеми комплексами «бедного, но гордого» писателя, вдруг ощутил себя обладателем целого состояния.

...И все-таки вопрос о том, в чем «трагедия» и насколько она «американская», еще долго будоражил умы читателей и критиков. Сам Драйзер, хотя и отметал упреки в морализаторстве, ни за что не соглашался отступить от общей социально-критической направленности романа: «Это правдивая история того, как наша действительность обходится с человеком и насколько бессилён оказывается человек против подобных сил». Как всегда, Драйзер увлекся идеей разоблачить моральные ценности Америки, продемонстрировать фальшь и примитивность «великой американской мечты». В центр романа он поставил «очень чувствительного и в то же время не слишком развитого молодого человека, который в самом начале своего жизненного пути обнаруживает, что его жизнь зажата тисками бедности и низкого социального положения, из которых он стремится вырваться, подталкиваемый своими врожденными и приобретенными страстями».

По этим признаниям чувствуется, что писатель склонен скорее оправдывать своего героя, возлагая львиную долю вины на

нехорошее капиталистическое общество: зачем оно преследовало «чувствительного и не очень умного молодого человека» своими соблазнами, да еще и наказало его «бедностью и низким социальным положением»?

С одной стороны, это близко взглядам коммунистов-социалистов, привыкших рассуждать о человеке, как о безликой расчетной единице в битве производственных отношений и производительных сил. С другой — нельзя отделаться от впечатления, что писателю по-человечески близок подобный тип слабого человека, отнюдь не героя и не борца. Некоторые факты биографии самого Драйзера подтверждают это: дерзкий и бесстрашный в своих печатных работах, он нередко терялся в неожиданных или неловких житейских ситуациях, предпочитая сбежать, переждать, в общем — спрятаться. Не исключено, что именно в этом кроется причина сочувствия Драйзера коммунистическим идеям: он мог видеть в них спасительную и справедливую силу, которая, вопреки тысячелетней традиции, станет на защиту слабых против сильных.

Предъявлять по этому поводу какие-либо претензии писателю или его героям бессмысленно: в одной и той же ситуации сильный духом человек берет ответственность на себя, а слабый валит ее на других и винит в своих неудачах кого угодно, кроме себя: социальную среду, бесчеловечный правящий режим, всеобщую продажность, засилье подлецов, бездарей и завистников, мафию и т.д. Важнее другое: давно нет на свете Драйзера и его непримиримых оппонентов, наши представления о мире все время меняются, а об «Американской трагедии» спорят и зачитываются ею до сих пор.

Сам Драйзер определил свой замысел так: «Я долго вынашивал в себе эту историю, ибо мне казалось, что она включает в себя все стороны нашей национальной жизни — политические махинации, общество, бизнес, секс...». Немудрено, что роман на таком материале, да еще и вышедший из-под пера хорошего писателя, был просто обречен на успех — чья «национальная жизнь» и поныне лишена поистине гремучей смеси этих составных частей и источников?

Вадим Татаинов

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I

Летний вечер, сумерки...

Торговый центр американского города, где не менее четырехсот тысяч жителей, высокие здания, стены... Когда-нибудь, пожалуй, станет казаться невероятным, что существовали такие города.

И на широкой улице, теперь почти затихшей, группа в шесть человек: мужчина лет пятидесяти, коротенький, толстый, с густой гривой волос, выбивающихся из-под круглой черной фетровой шляпы, — весьма невзрачная личность; на ремне, перекинутом через плечо, небольшой органчик, каким обычно пользуются уличные проповедники и певцы. С ним женщина, лет на пять моложе его, не такая полная, крепко сбитая, одета очень просто, с некрасивым, но не уродливым лицом; она ведет за руку мальчика лет семи и несет Библию и книжечки псалмов. Вслед за ними, немного поодаль, идут девочка лет пятнадцати, мальчик двенадцати и еще девочка лет девяти; все они послушно, но, по-видимому, без особой охоты следуют за старшими.

Жарко, но в воздухе чувствуется приятная истома.

Большую улицу, по которой они шли, под прямым углом пересекала другая, похожая на ущелье; по ней сновали толпы людей, машины и трамваи, которые непрерывно звонили, прокладывая себе путь в стремительном потоке общего движения. Маленькая группа казалась, однако, равнодушной ко всему и

только старалась пробраться между захлестывавшими ее встречными потоками машин и пешеходов...

Дойдя до угла, где путь им пересекала следующая улица, — вернее, просто узкая щель между двумя рядами высоких зданий, лишенная сейчас всяких признаков жизни, — мужчина поставил органчик на землю, а женщина немедленно открыла его, подняла попир и раскрыла широкую тонкую книгу псалмов. Затем, передав Библию мужчине, стала рядом с ним, а старший мальчик поставил перед органчиком небольшой складной стул. Мужчина — это был отец семейства — огляделся с напускной уверенностью и провозгласил, как будто вовсе не заботясь, есть ли у него слушатели:

— Сначала мы пропоем хвалебный гимн, и всякий, кто желает восславить Господа, может к нам присоединиться. Сыграй нам, пожалуйста, Эстер.

Старшая девочка, стройная, хотя еще и не вполне сложившаяся, до сих пор старалась держаться возможно более безразлично и отчужденно; теперь она села на складной стул и, вертя ручку органчика, стала перелистывать книгу псалмов, пока мать не сказала:

— Я думаю, мы начнем с двадцать седьмого псалма: “Как сладостен бальзам любви Христовой”.

Тем временем расходившиеся по домам люди разных профессий и положений, заметив группу с органчиком, нерешительно замедляли шаг и искоса оглядывали ее или приостанавливались, чтобы узнать, что происходит. Этой нерешительностью, истолкованной как внимание, человек у органчика немедленно воспользовался и провозгласил, словно публика специально собралась здесь послушать его:

— Споем же все вместе: “Как сладостен бальзам любви Христовой”.

Девочка начала наигрывать на органчике мелодию, извлекая слабые, но верные звуки, и запела; ее высокое сопрано слилось с сопрано матери и весьма сомнительным баритоном отца. Другие детишки — девочка и мальчик, взяв по книжке из стопки, лежавшей на органе, слабо попискивали вслед за старшими. Они пели, а безликая, безучастная уличная толпа с недоумением глазела на это невзрачное семейство, возвысившее

голос против всеобщего скептицизма и равнодушия. В некоторых возбуждала интерес и сочувствие застенчивая девочка у органа, в других — непрактичный и жалкий вид отца, чьи бледно-голубые глаза и вялая фигура, облаченная в дешевый костюм, выдавали неудачника. Из всей семьи одна лишь мать обладала той силой и решительностью, которые — как бы ни были они слепы и ложно направлены — способствуют если не успеху в жизни, то самосохранению. В ней, больше, чем в ком-либо из остальных, видна была убежденность, хотя и невежественная, но все же вызывающая уважение. Если бы вы видели, как она стояла с книгой псалмов в опущенной руке, устремив взгляд в пространство, вы сказали бы: “Да, вот кто при всех своих недостатках, несомненно, стремится делать только то, во что верит”. Упрямая, стойкая вера в мудрость и милосердие той всевидящей, могущественной силы, к которой она сейчас взывала, читалась в каждой ее черте, в каждом жесте.

Любовь Христа, ты мне опорой будь,
Любовь Иисуса — праведный мой путь, —

звучно и немного гнусаво пела она, едва заметная среди громадных зданий.

Мальчик, опустив глаза, беспокойно переминался с ноги на ногу и подпевал не очень усердно. Высокий, но еще не окрепший, с выразительным лицом, белой кожей и темными волосами, он казался самым наблюдательным и, несомненно, самым чувствительным в этой семье; ясно было, что он недоволен своим положением и даже страдает от него. Его больше привлекало в жизни языческое, чем религиозное, хотя он пока еще не вполне это сознавал. Только в одном не приходилось сомневаться: у него не было призвания к тому, что его заставляли делать. Он был слишком юн, душа его — слишком отзывчива ко всякому проявлению красоты и радости, столь чуждых отвлеченной и туманной романтике, владевшей душами его отца и матери.

И в самом деле, материальная и духовная жизнь семьи, членом которой он был, не убеждала его в реальности и силе того, во что, видимо, так горячо верили и что проповедовали его мать и отец. Напротив, их постоянно тревожили всякие